

Василий БЕЛОВ

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

О МИХАИЛЕ Александровиче Шолохове я услышал впервые, будучи девятилетним мальчишкой, от своего отца Белова Ивана Федоровича. Было это весной 1942 года. Отец воевал под Ленинградом, был ранен и лечился в одном из госпиталей нашей Вологодской области. После выздоровления его отпустили на несколько дней домой, и я хорошо помню, как он рассказывал о войне, о госпитале и о книге «Тихий Дон», которую читал во время лечения. Помню, как он сокрушался, что не дочитал книгу до конца. Повидимому, в госпитале не было романа целиком или же книгу читали по очереди. Ему так и не удалось дочитать. Он погиб

на реке Царевич во время штурма Духовщинского укрепленного района. Дочитывать книгу довелось уже мне...

Позапрошлым летом я ездил в Смоленскую область на братскую могилу над Царевичем, где похоронен отец. Директор восьмилетней школы в селе Троицком Афанасий Иванович Савельев, который помнит военную пору, говорил мне, что осенью 1943 года вода в Царевиче текла бурой от крови. Все поле перед селом Троицким было выстлано телами павших солдат. То же самое сказала и Евдокия Павловна Горшкова — пенсионерка из сожженной тогда деревни Плешково.

Оказывается, и реки, окрашенные кровью, отнюдь не гиперболоа, а память героизма народного, будь то Волга, Дон или живописный Царевич. Не потому ли так долговечны героические и трагические страницы «Тихого Дона»?

Странно, но я тоже не имел возможности прочесть это произведение сразу, то есть за один прием. Книгу Шолохова в дни моего детства в наших местах, как и еду, взять было негде. Я читал роман с перерывом в два с лишним года, то есть в разных возрастных состояниях. И мне навсегда запомнилось, как ждал встречи с недочитанной книгой. (Может быть, неуместно говорить здесь об экранизациях гениального шолоховского произведения.

Но беда в том, что многие люди, особенно в среде молодежи, судят о литературных произведениях по экранизациям этих произведений на телевидении и в кино. Хочется сказать несколько слов и об этих встречах с героями «Тихого Дона». У меня эти встречи всегда вызывали ощущение неудовлетворенности, разочарования, а местами и полного художественного диссонанса. Стоило взять после этого книгу, как герси «Тихого Дона» вновь становились сами собой.)

Даже сейчас, в зрелые годы, я не могу до конца осмыслить причину странной близости этих героев мне лично, нашей семье, моим землякам. Хотя народные традиции, характеры, быт и язык русского севера

очень не схожи с традициями и языком донских казаков. Все так непохоже и все так щемяще близко. Я убежден к тому же, что трагедия Григория Пантелеевича Мелехова и его семьи типична и для моих родных мест, несмотря на то, что масштабы классовой борьбы на юге были несравнимы с масштабами этой борьбы на севере.

Обоазы, созданные Михаилом Александровичем Шолоховым в «Тихом Доне», — это истинные народные образы. В этих образах, как мужских, так и женских, с непревзойденной художественной силой воплощен русский национальный характер.

ВОЛОГДА